

ББК 81'42 :821.111

УДК 81.0

Г 70

Горобец А.Ф.

Преподаватель кафедры английского языка Кубанского государственного технологического университета; e-mail: kunashir7@yandex.ru

Функции образного сравнения в текстах романов С. Моэма *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматриваются образные сравнения художественных текстов С. Моэма как особо значимые тропы в идиостиле писателя. Выявляется ряд функций образного сравнения. Показано, что образное сравнение как художественный прием направлено на возможно более полное доведение авторского замысла до реципиента; индивидуально-авторское сравнение отражает индивидуальный образ мира автора и особенности образного мышления. Установлено, что используемые автором сравнения реализуют текстообразующую и образную функции.

Ключевые слова:

Художественный текст, антропоцентрические тенденции, идиостиль, образное сравнение.

Gorobets A.F.

A teacher of The English Language Department, Kuban State Technological University; e-mail: kunashir7@yandex.ru

Functions of Simile in the Texts of Novels by W.S. Maugham

Abstract:

The paper examines similes in the fiction texts of novels by W.S. Maugham as the important tropes in the writer's idiosyncrasy. A number of functions of simile are defined. The simile as an artistic technique is directed to fuller bringing an author's intention to the recipient. The author's individual simile reflects an individual image of the world and features of figurative thinking of the author. It is inferred that the similes used by the author implement text-forming and figurative functions.

Keywords:

Fiction text, anthropocentrism tendencies, idiosyncrasy, simile.

Художественный текст создается с целью объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире. Важнейшим составляющим структуры текстовой (речемыслительной) деятельности, кроме самого текста, являются автор, реципиент, отображаемая действительность, знания о которой передаются автором, и языко-

вая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему воплотить свой творческий замысел.

Автор текста способен повлиять на межтекстовую компетенцию реципиента и рецептивную ситуацию своей эпохи. В связи с этим понятие «идиостиль» приобретает коммуникативное содержание. Здесь следует отметить, что в последние

десятилетия исследование текста развивается в русле антропоцентрических тенденций. Язык антропоцентричен: человек отразил в нем все, что узнал о себе и мире через свое восприятие мира.

Со становлением нового когнитивного направления в лингвистике добавился новый аспект исследования. Когнитивная теория лингвистики отражает способность человека воспринимать и осмысливать окружающий мир и стремится дать понятие о том, «как языковое знание, закрепленное в семантической системе языка (в лексических и грамматических значениях), связано с неязыковым знанием, как естественный язык взаимодействует с ментальным языком (языком мысли)» [1: 41].

Среди множества художественных образных средств, употребляемых авторами художественных текстов, мы выделяем образное сравнение, поскольку оно является «важным материалом для воплощаемых средствами языка представлений о человеке как составляющей картины мира» [2: 90].

В образной системе произведений британского писателя С. Моэма сравнение имеет особую значимость. Индивидуально-авторское образное сравнение формирует индивидуальный образ мира автора, именно оно отражает особенности образного мышления. Такие сравнения почти всегда непредсказуемы, поскольку «возможности уподобления безграничны и предопределены особенностями изменчивого восприятия действительности разными субъектами, с одной стороны, и неисчерпаемостью признаков воспринимаемых объектов с другой» [3: 295].

Использование автором различных синтаксических конструкций, выражающих семантику сравнения, позволяет наиболее полно реализовать эстетическую функцию художественного текста. В зависимости от того, сколько и какие признаки предмета или явления необходимо выделить, автор может использовать: а) обычную синтаксическую конструкцию, в состав которой входит один сравнитель-

ный оборот; б) несколько сравнительных конструкций, составляющих многоярусное образование (употребление нескольких сравнений дает возможность раскрыть различные стороны одного и того же предмета или явления); в) развернутые сравнения, т. е. такие «которые указывают на несколько общих признаков в сопоставляемых предметах» [4: 143]. Они применяются, как правило, для изображения сложных явлений, и при этом многочисленные детали, входящие в состав сравнения, способствуют прояснению сути сравниваемого. Художественный образ, используемый для развернутого сравнения, придает описанию особую выразительность. Образ в таком случае максимально развернут, и каждый элемент подобного сравнения сопоставляется с соответствующим элементом предмета сравнения, расширяя ассоциативное поле всего текста.

Как указывает Ю.П. Солодуб, «развернутая метафора всегда обладает текстообразующей функцией; в самой природе лексико-семантического развертывания метафоры заложена тенденция к постоянному расширению художественного текста» [5: 190]. Данное положение справедливо также и для сравнения.

Рассмотрим примеры из романов С. Моэма.

а) сравнительная конструкция, содержащая один простой образ:

To my eyes the faces looked like caricatures («The Moon and Sixpence»). – Я воспринимал их [портреты] как карикатуры («Луна и грош»);

б) сравнительная конструкция, содержащая один осложненный образ:

For Tahity is smiling and friendly; it is like a lovely woman graciously prodigal of her charm and beauty («The Moon and Sixpence»). – Таити улыбается, приветствуя вас; этот остров **как обворожительная женщина, что расточает свою прелесть и красоту** («Луна и грош»);

в) сравнительная конструкция, содержащая два образа:

It was like a thunder-clap, he said, and then, dissatisfied with this, he said it was like a revelation («The Moon and Sixpence»). – «Это было **как удар грома**, – сказал он [Абрахам] и, не удовлетворенный таким определением, добавил: – **Как откровение**» («Луна и грош»);

г) развернутое сравнение:

It was spring all right, but it seemed to come shyly in that grim and sordid landscape as though unsure of a welcome. It was like a flower, a daffodil or a lily, growing in a pot on the window-sill of a slum dwelling and you wondered what it did there («The Razor Edge»). – Наступить-то весна наступила, но в этой серой, неприглядной местности выглядела робко, **точно была не уверена, что ей рады. Так иногда увидишь цветок в горшке – лилию или нарцисс в окне полусгнившего дома в трущобах и непонятно, что он тут делает** («Острие бритвы»);

д) среди индивидуально-авторских сравнений встречаются видоизмененные устойчивые конструкции, возникающие в случае намеренного или непреднамеренного изменения их автором. Л.А. Лебедева отмечает, что мобильность, вариативность компонентов устойчивых сравнений обеспечивает их динамизм, способность к постоянному обновлению, повышает экспрессивность, столь важную для их функционирования в целом [6: 41]. Например:

He brought in with him like a blustering wind in March, the aggressive and inescapable present («Cakes and Ale»). – **Как неистовый мартовский ветер**, он [Элрой Кир] принес с собой агрессивное и неизбежное настоящее («Пирог и пиво»).

Здесь автор модифицирует устойчивое сравнение *like the wind* (как ветер) [7: 283] с помощью введения лексического элемента *a blustering ... in March* (неистовый ... в марте).

Возможности решения многих исследовательских задач открывает, в частности, функциональная антропоцентрическая парадигма. Так, Н.М. Девятова связывает данный подход к сравнению с выявлением

в сравнении разных проявлений сравниваемого субъекта (говорящего) как отражение его сравнительной деятельности. По определению Н.М. Девятовой, изучение системы сравнения как отражения сравнительной деятельности сравниваемого субъекта формирует взгляд на систему сравнения как систему динамическую. В свете такого подхода могут найти свое решение разные проблемы сравнения, в том числе и проблемы его коммуникативной и когнитивной сущности. Исследователь полагает, что без учета роли сравниваемого субъекта как организующего центра сравнительной системы невозможно создание современной теории сравнения [8: 7–8].

В рамках данного подхода представляется необходимым и возможным рассмотреть следующие функции сравнения в художественном тексте: текстообразующую и образную, причем последняя включает в себя также концептуальную, изобразительную, эмотивно-экспрессивную и эстетическую составляющие.

Как показывает анализ, одной из характерных особенностей художественного стиля С. Моэма является использование именно развернутых сравнений. С текстообразующей функцией сравнения связана его способность построения образа, т. е. образная функция.

В рамках художественного дискурса (т. е. текста как конечного результата речевой деятельности, имеющего определенную законченность и зафиксированную форму) сравнение (с его текстообразующей и образной функциями) направляется установкой автора на возможно более полное доведение до реципиента авторского замысла, что, как правило, подтверждается анализом содержания сравнений при учете смысловых контекстных связей. Так, эпиграф к роману С. Моэма «Острие бритвы», раскрывающий идейный замысел писателя, содержит сравнение, отличающееся философско-религиозной спецификой:

The sharp edge of a razor is difficult to pass over; thus the wise say the path to

Salvation is hard (en. wikipedia.org/wiki/The_Razor%27s_Edge. Дата обращения 10.10.12). – Трудно пройти по острию бритвы; так же **труден**, говорят мудрецы, **путь, ведущий к спасению** («Острие бритвы»).

В самом же тексте романа идейный замысел сконцентрирован в развернутом сравнении:

I only wanted to suggest to you that self-confidence is a passion so overwhelming that beside it even lust and hunger are trifling. It whirls its victim to destruction in the highest affirmation of his personality. The object doesn't matter; it may be worth while or it may be worthless. No wine is so intoxicating, no love so shattering, no vice so compelling («The Razor Edge»). – Я только хотел вам объяснить, что самопожертвование – страсть на-

столько всепоглощающая, что **по сравнению с ней даже голод и воздержание – безделка**. Она мчит своего раба к гибели в час **наивысшего утверждения его личности**. Предмет страсти не имеет значения: может быть, за него стоит погибать, а может быть, нет. Эта страсть **пьянит сильнее любого вина, потрясает сильнее любой любви, затягивает сильнее любого порока** («Острие бритвы»).

Итак, образное сравнение, являясь одной из доминант идиостиля С. Моэма, выполняет следующие функции в его художественных текстах: текстообразующую и образную. Образная функция включает в себя концептуальную, изобразительную, эмотивно-экспрессивную и эстетическую составляющие.

Примечания:

1. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М.: Высш. шк., 2005. 367 с.
2. Баранова А.Ю. Способы номинации человека в произведениях Л. Улицкой // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 3. С. 89-92.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2007. 448 с.
5. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода. М.: Академия, 2005. 304 с.
6. Лебедева Л.А. Вариативность устойчивых сравнений в языке и речи (к проблеме фразеологической нормы и ее кодификации) // Экологический вестник научных трудов черноморского экономического сотрудничества: приложение. Краснодар, 2004. С. 40-44.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 2000. 503 с.
8. Девятова Н.М. Сравнение в динамической системе языка. М. ЛИБРОКОМ, 2010. 320 с.

References:

1. Vorozhbitova A.A. Theory of the Text: Anthropocentric school. M., 2005. 367 pp.
2. Baranova A.Yu. Ways of the person nomination in works by L. Ulitskaya // Bulletin of the AGU. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2012. Issue 3. P. 89–92.
3. Arutyunova N.D. Language and human world. M., 1999. 896 pp.
4. Golub I.B. The Russian Language Stylistics. M.: Airis-press, 2007. 448 pp.
5. Solodub Yu.P. Theory and practice of literary translation. M.: Academia, 2005. 304 pp.
6. Lebedeva L.A. Variations of similes in language and speech (on the problem of phraseological norm and its codification) // The Ecological Bulletin of Scientific Centres of the Black Sea Region Economy Collaboration: Application. Krasnodar, 2004. P. 40–41.
7. Kunin A.V. English-Russian Phraseological Dictionary. M.: Rus. yaz., 2000. 503 pp.
8. Devyatova N.M. Simile in the dynamic system of the language. M.: LIBROCOM, 2010. 320 pp.